

К тому же греческие боги крайне «ревнивы». Им можно возносить сколько угодно подношений, но ни в коем случае нельзя кого-то обделить — иначе покровитель обидится и обязательно устроит подлянку. Поэтому древние греки нашли выход: они совершали обряды от имени всего полиса, почитая как главных божеств, так и их свиту.

К примеру, в Афинах главным образом поклонялись богине Афине, а в Дельфах — Аполлону. Ни о какой свободе вероисповедания тогда и речи не шло: где родился, тому богу и поклоняйся.

Если житель Афин начинал веровать в другое божество, его считали еретиком, а тайные домашние подношения чужим богам и вовсе навлекали беду на весь дом.

Так что, строго говоря, греческие боги получали подношения целыми городами. И если божеству хотелось урвать кусок побольше, у него оставалось два пути: либо отбирать территории в смертном мире, либо как следует процветать свой собственный полис.

Из-за этого в греческом пантеоне вечно вспыхивали вражда и грызня, а пропасть между богатыми и бедными богами была огромной.

По сравнению с этим мир богов в Китае куда гармоничнее и свободнее: право выбора веры всегда оставалось в руках самих верующих.

— Надо же, как любопытно, — оживился Гипнос. — А что делают, если божественные имена или титулы на поминальных табличках совпадают?

— На наших божественных табличках указываются почтенные титулы и пожалованные звания. В Китае из века в век существовали специальные ведомства, ведавшие этим вопросом, так что совпадения исключены, — спокойно ответил судья Цуй.

Затем обе стороны обменялись мнениями об исторических государственных учреждениях. Ся Дунли слушал с превеликим удовольствием — хоть блокнот доставай и записывай! Эти древние сущности прожили так долго, что каждое их слово раскрывало сокровенные тайны прошлого, сполна удовлетворяя человеческое любопытство.

Именно потому, что Ся Дунли досыта наслушался свежих сплетен, он просто не смог отказать, когда Гипнос снова перевел разговор на то, что хотел бы испробовать китайские подношения.

— У меня здесь только благовония для эстетического воскурения, а не ритуальный фимиам для подношений, — с последней надеждой попытался возразить Ся Дунли.

Но Гипнос отмахнулся: мол, какая разница, он ведь просто из любопытства.

Раз уж гость настаивал, Ся Дунли ничего не оставалось, кроме как достать свой маленький курительный прибор. Когда он разложил принадлежности, Гипнос указал на штамп для благовоний и спросил, что это такое. Ся Дунли объяснил ему несколько тонкостей ароматов, после чего Гипнос проявил огромный энтузиазм к искусству фигурного благовония — сяньчжуань — и настоятельно попросил зажечь именно его, ведь ничего подобного он в жизни не видел.

В итоге совершенно абсурдная сцена — выкладывание благовонной печати прямо перед лицом бога — состоялась исключительно по настоятельной просьбе самого божества.

Судья Цуй слегка приоткрыл глаза, бросил взгляд на явственно приунывшего Гипноса, а

затем взмахом руки извлек деревянную дощечку и протянул ее богу сна, предлагая оставить на ней свою божественную печать.

Глаза Гипноса блеснули, и он тут же подхватил ее:

— О-о! Это и есть та самая удивительная китайская божественная табличка?

Едва его пальцы коснулись древесины, как глянцево-черная поверхность дощечки стала слой за слоем осыпаться. Словно невидимый резчик принялся обрабатывать дерево, и за считанные мгновения на дощечке проявился резной рисунок.

Гипнос, наблюдавший за этим волшебством вплотную, улыбнулся еще шире и аккуратно поставил дощечку на стол. Получив разрешение, Ся Дунли склонился ближе и ахнул от удивления.

В отличие от китайских табличек, на которых были лишь иероглифы, табличка Гипноса представляла собой односторонний барельеф с изображением высокого мужчины в плаще. Он стоял, опустив голову, так что Ся Дунли мог разглядеть лишь слегка изогнутые в полуулыбке губы.

Но следя за жестами его рук, Ся Дунли заметил на резной картине еще одну фигуру — правда, лишь второстепенную. Человек лежал на ложе, а Гипнос мягко прикрывал его глаза своей ладонью, явно погружая того в глубокий сон.

Картина обладала невероятной выразительностью: даже не зная ничего о божественной сути Гипноса, по этому барельефу можно было легко догадаться о его природе.

Ся Дунли не удержался от восхищенного возгласа. Гипнос, судя по всему, тоже остался доволен своей работой: он легким касанием пальца установил табличку вертикально на столе. Тем временем из курительницы уже поднимался струящийся дымок. Ся Дунли собственными глазами увидел, как в воздухе дымные струйки неожиданно разделились на пять потоков и поплыли к пяти сидевшим за столом людям.

Погодите-ка! А мне-то за что?!

Ся Дунли опешил, но не успело его воображение разгуляться, как господин судья произнес:

— Сиди спокойно. Для вашего человеческого тела это только на пользу.

Какая еще польза?

Ся Дунли проявил крайнюю настороженность: что одному нектар, другому — яд! Дары богов нельзя принимать, пока все четко не объяснят, а не то кончишь как Танский Монах.

— Для тебя это просто умиротворение, успокоение разума да очищение дыхания, — Нэчжа, едва взглянув на его физиономию, тут же понял, о чем тот беспокоится, и нетерпеливо опередил судью Цуя: — Наслаждайся давай, ничего с тобой не случится.

Раз уж этот прямолинейный парень Нэчжа так сказал, Ся Дунли успокоился и принялся вкушать подношение из фимиама, который сам же и зажег... хотя звучит это, конечно, довольно дико.

Он прислушался к своим ощущениям... и вроде бы ничего особенного. Единственное — на этот

раз аромат благовония цзянчжэнь был довольно насыщенным, хотя, если честно, не таким приятным, как тот, что в прошлый раз зажигал Сяо Вань.

Он сделал еще пару вдохов. Гипнос сидел с видом истинного блаженства, а Сюнь Вань... э-э, Сюнь Вань просто прикрыл глаза, погружившись в подобие медитации, без малейшего выражения на лице.

То ли спокойствие Сюнь Ваня передалось и ему, то ли подействовал дым, но Ся Дунли тоже прикрыл веки. И едва он сделал это, как почувствовал, что тело становится совсем мягким и легким, словно семечко одуванчика в воздухе — дунь ветерок, и унесет прочь.

Кто знает, сколько прошло времени, но в самый разгар этого сладкого забытья раздался праведный и громовой возглас:

— Вы что это делаете?!

Ся Дунли показалось, будто его одним рывком сдернули с небес на землю. Когда он распахнул глаза, его взгляд был туманным и растерянным, а картинка перед глазами расплывалась.

Не успел Ся Дунли сообразить, что происходит, как вбежавший человек подскочил к столу, схватил курильницу и со всей силы встряхнул ее. Фигурная печать из порошка лежала прямо на золе, так что от такой тряски мгновенно рассыпалась.

Убедившись, что дым больше не идет, парень отбросил курильницу в сторону и за локоть потащил Ся Дунли назад. Видя, что юноша все еще смущенно хлопает глазами, он досадно цыкнул, подхватил таз с невылитой водой после промывки овощей и плеснул прямо в лицо Ся Дунли, а остатки выплеснул на точно так же не успевшего опомниться Сяо Ваня.

— А-а! — вскрикнул Ся Дунли, утирая лицо и сбрасывая прилипшие капустные листья. Он отплюнул попавшую в рот воду и с абсолютным недоумением уставился на пришедшего: — Помощник Ли, ты чего это?

Помощник Сяо Ли отступил на два шага и, не переставая со всей дури тарыхтеть по экрану телефона, встал перед воротами в дом Ся Дунли. Он ловко задвинул засов, приняв стойку «стою насмерть», при этом на его лице было написано суровое, почти трагическое отчаяние:

— Сяо Ся, стой где стоишь и не дергайся! И пока со мной не разговаривай!

Чего-о?!

Ся Дунли, которого ни с того ни с сего облили грязной водой и еще и заткнули, окончательно впал в ступор.

И тут же услышал, как помощник Сяо Ли на весь двор заорал в трубку:

— Кирпичный домик на холмике, срочно высылайте наряд! Здесь жители, кажется, устроили групповое употребление наркотиков! Присылайте кинологов с собаками!

Ся Дунли: «Погодите, ЧТО?!»

Как уже упоминалось ранее, полицейский участок деревни Сяоцзинь из-за эффективной работы и высокого авторитета деревенского комитета круглый год не ведал хлопот.

Насколько безделен? Да настолько, что стражи порядка уже сами начинали потихоньку гадать,

не расформируют ли их участок за ненадобностью.

Кхм-кхм, разумеется, это были лишь смутные догадки: полицейские силы распределяются по районам, так что в худшем случае им грозило бы урезание бюджета и штата (эй, алло!).

Сказать по правде, самым крупным делом для местных полицейских за последнее время был вызов к кирпичному домику по поводу подозрительной личности, и тогда это заставило их нервничать целых полдня. А тут звонит помощник старосты деревни Сяоцзинь и сообщает, что группа жителей подозревается в употреблении наркотиков — у полицейских аж поджилки затряслись.

Для рядовых полисменов самое сложное и опасное преступление — это, без всяких сомнений, все, что связано с наркотиками.

Со дня основания нового правительства Китай вел непрестанную борьбу с этой отравой. Помня о тяжелейших ранах и горьком опыте прошлого, Китай стал одной из немногих стран мира с нулевой толерантностью к наркотикам.

<http://bllate.org/book/18144/1757695>